Вершины Гёте и Лермонтова

О стихотворении Гёте «Ночная песня странника II» написано много. Возможно, не будет большим преступлением, если я добавлю несколько замечаний, отклоняющихся от общего мнения.

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

Дословно:
На всех вершинах гор
Покой,
В верхушках деревьев
Ты (не) чувствуешь
Почти дуновения;
Птички молчат в лесу.
Подожди, скоро
Ты тоже отдохнёшь.

Гёте набросал этот текст в 1780 году на стене охотничьего домика на вершине Кикельхана. В то время он был тайным советником по «всем делам» при дворе герцога Карла Августа в Веймаре и работал над новыми произведениями. Он был очень занят и устал.

Похоже, поэт тогда не придал этим восьми строкам особого значения (кстати, он иронически относился к тем, кто повсюду ищет и находит глубокие мысли и идеи). Нет никаких свидетельств того, что он упоминал об этом в то время.

Стихотворение было опубликовано лишь в 1815 году в первом издании собрания сочинений Гёте, после «Ночной песни странника» (1776), в которой утомлённый жизнью герой молит Бога об отдыхе. Второе стихотворение, «Над всеми высотами», больше посвящено физическому утомлению. Но Гёте, вероятно, не желая подвергать сомнению общее убеждение, сложившееся за 35 лет, в глубокой философской сути этого текста, поместил его рядом с первым, как бы намекая, что смысл двух стихотворений сходен, но, тем не менее, дал ему несколько уничижительное название «Что-то в том же роде»[1)]. Оно известно как «Ночная песня странника II» и до сих пор считается одним из самых известных немецких лирических стихотворений как в Германии, так и за рубежом.

Но в чём секрет этого намеренно минималистического текста, обходящегося без деталей, действий, прилагательных и метафор? Комментаторы утверждают, что Гёте последовательно переносит акцент с далёких объектов на близкие, с неодушевлённой природы на растения, животных и людей. Именно в этом и заключается гениальность этого произведения.

Анализируя стихотворение Гёте, обычно отмечают, что оно написано строками с разным количеством слогов и ударений, что нетипично для Гёте. Более того, даже те, кто подробно исследует форму стихотворения (например, Карл Хайнц Вайссер), не объясняют, почему поэт выбрал именно такую стихотворную форму. Мне кажется, именно в этом и заключается один из секретов воздействия произведения на читателя: намеренное нарушение соответствия между формой и содержанием при описании состояния природы и человека, главного героя стихотворения. Более того, уже вторая строка вызывает тревогу: почему после первой строки, которая поётся на одном, широком дыхании, вторая строка обрывается в самом начале? То же

самое относится и к последующим строкам. Длинные строки описывают тишину природы, короткие прерывают течение речи, словно говорящий задыхается. Возникает искушение закончить их резким выдохом — «Ху!» — вместо тихого шёпота (как принято при чтении и пении). Человек явно устал, задыхается, сердцебиение мешает ему дышать и говорить. И так продолжается до тех пор, пока последние две строки не показывают, что ему действительно нужен отдых, хотя о его состоянии не сказано ни слова. (Очевидно, поэт всё это время разговаривает сам с собой.)

Если учесть (о чём никто из комментаторов не упоминает!), что последняя строка составлена из окончаний предыдущих второй, четвёртой и пятой строк (Ruh – est du –auch), напрашивается вывод: это возможно лишь в том случае, если поэт замышляет стихотворение с идеально подходящей фразы «balde / Ruhest du auch» и лишь затем решает рифмовать с её частями другие строки. Получается акростих, только желаемую фразу образуют не первые буквы всех строк, а а их окончания – целые слова или части слов. Из первого предложения берётся Ruh (конец 2-й строки), из середины длинного второго предложения – est du (конец 4-й строки) и из его конца – auch; balde лишь на одну букву отличается от конца третьего предложения Walde. И желанная фраза готова. (В отличие от обычного акростиха она явно присутствует в стихотворении).

Как строится последняя строка из окончаний предыдущих строк?

В немецком языке нет рифм для ru и du. Для первого слога Ru выход нашёлся - Ruh (сокращённая форма от Ruhe - покой), абсолютно точно описывающий состояние природы, а два слога est du просто перенесены в конец четвёртой строки как продолжение основы глагола Spüren (ощущать, чувствовать). Благо, ассонанс ru – du уже присутствует в последней строке и может служить рифмой для строк 2-4. Прекрасная рифма для окончания последней строки auch это Hauch (движение) в пятой строке.

Слишком простые рифмы Gipfeln - Wipfeln и Walde - balde говорят тоже, что Гёте не придавал этому стихотворению особо большого значения.

Всё это - вершина поэтического мастерства, и всё это импровизация!

Стихотворение Гёте поразительно музыкально. Это достигается, прежде всего, обилием звонких согласных (особенно мягкого «л»), дифтонгов и «х», произносимого как лёгкий выдох. Текст всё время дышит. Краткость достигается за счёт исключения прилагательных и активных глаголов, а также общего преобладания существительных.

Однако петь текст со строками разной длины сложно, и даже романсы таких великих композиторов, как Шуберт, Лист и Шуман, написанные на текст Гёте, кажутся мне несколько растянутыми и сентиментальными.

Интересно, как комментаторы трактуют концовку стихотворения. Некоторые считают, что Гёте имел в виду «вечный покой», утверждая, что Гёте жаловался на переутомление в те годы. Он говорил, что такая жизнь хуже смерти. Но это не более чем преувеличение. В 31 год Гёте меньше всего беспокоила смерть. Гораздо больше его впечатляла сила его слов. Когда по Европе прокатилась волна самоубийств среди впечатлительных молодых людей, прочитавших его «Вертера», Гёте в этом не участвовал. Хотя он и процитировал самого себя после повторного посещения того же охотничьего домика: «Ты тоже отдохнёшь…» – и промокнул уголки глаз белоснежным платком, но это было в возрасте 81 года.

ИИ Гугла суммировал мнения специалистов следующим образом:

«Специалисты анализируют стихотворение Гёте «Ночная песня странника II» как выражение тоски по утешению и отдыху от двойственности человеческого существования, а также как размышление о преодолении боли и радости. Отмечается, что трудности перевода возникают в связи с последними строками, выражающими надежду на окончательный покой. Стихотворение, по оценкам, является хрестоматийным, глубоко связанным с образом автора и вошедшим в массовую культуру».

* * *

На русский язык это стихотворение Гёте переводили многократно, но именно перевод М.Ю.Лермонтова известен и любим на русском языке не меньше, чем оригинал Гёте на немецком:

Из Гёте

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

(1840 г. в возрасте 26 лет)

Стихотворение Лермонтова названо «Из Гёте», хотя из восьми строк только одно слово из первой стоки и две последние строки принадлежат немецкому поэту, остальные - импровизация Лермонтова, и переводом могут быть названы весьма условно. У Лермонтова рассказ о покое природы ведётся совершенно спокойным, ровным тоном, никак не предвещая драматической развязки. То напряжение, которое ощущалось в оригинале Гёте уже со второй, очень короткой строки, возникает у Лермонтова никак не подготовленным ударом. Теперь читателю предстоит срочно придумать какое-то объяснение неожиданному финалу.

Герой Лермонтова вряд ли видит горы во тьме ночной сквозь мглу долин; он идёт по дороге в долине вдоль кустов и деревьев. Каждому образу он, в отличие от Гёте, даёт описание. У него горы спят, долины полны свежей мглой и тихи, дорога не пылит, листы не дрожат. Вроде бы, все эти описания не оригинальны, но без волнения читать эти строки нельзя, столько в них музыки.

Гёте и Лермонтов писали эти стихотворения почти в одном и том же возрасте, но их характеры и положение были противоположными. Читая стихи и не менее мощную прозу обоих, нельзя не видеть насколько «солнечным» был обласканный всеми (включая его властителя) Гёте и каким мрачным был Лермонтов, отправленный своим властителем в ссылку в действующую армию и буквально искавший смерти. Я бы назвал перевод Лермонтова горьким сарказмом.

И тут мне хочется сделать провокационное предположение: Лермонтов осознанно создал перевод-негатив, полностью поменяв форму и смысл оригинала на противоположные.

- у Гёте время действия только предполагается, и это - день (кто же ходит ночью по горным тропам?). У Лермонтова – ночь, и это подчёркнуто дважды - тьма и мгла;

- у Гёте место действия – близкая вершина самой высокой в том районе горы и, стало быть, взгляд вниз, у Лермонтова – долина и взгляд вверх;

- у Гёте цель движения ясна - охотничий домик на горе, у Лермонтова её вообще нет. Понятно душевное состояние человека, идущего долго ночью по дороге; как не вспомнить: «И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели…» (М.Лермонтов «Дума»);

- у Гёте рифмовка строк разная, у Лермонтова везде перекрёстная;

- у Гёте нет единого стихотворного размера. Лермонтов «шагает» трёхстопным хореем на рАз-два, взяв за пример первую строку Гёте. (На самом деле, этот хорей совсем не простой. В первой и третьей строках вторая стопа безударная, а в пятой-восьмой строках – первая стопа, как у Гёте. Это делает речь естественной, а не механически монотонной).

И всё это для того, чтобы было ясно, что итог в оригинале и в переводе разный; по-видимому, Лермонтов считает, что Гёте говорит о физическом утомлении после трудной дороги, и меняет смыл на другой: ожидание душевного покоя, если не упокоения.

Для большего эффекта Лермонтов завуалировал этот вывод, использовав то же слово, что и Гёте – «отдохнёшь».

Но есть нечто общее (кроме гениальной поэзии), что объединяет их. Это – импрессионизм. Главное - не действие, а впечатление.

Тема смерти-отдохновения очень характерна для творчества Лермонтова с самого начала и до последней дуэли. И тут нельзя не вспомнить другое его стихотворение, которое он написал незадолго до гибели. Начало удивительным образом повторяет «Über allen Gipfeln» немецкого поэта. Этот шедевр Лермонтова – «Выхожу один я на дорогу»